УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДОВСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Статья посвящена участию детей в праздничной культуре мордовских переселенцев на территории Сибири. Мордва переселялась сюда с территорий мордовского, чувашского, самарского и пензенского краев со второй половины XIX в. по 1970-е гг. Материалом для статьи служат полевые исследования автора и научная литература по изучаемой проблематике. Дается характеристика наиболее важных религиозных праздников мордовских переселенцев. Отмечается, что одной из особенностей праздничной культуры мордовского крестьянства являлось участие в религиозно-праздничных действиях детей и молодежи. При проведении большинства обрядов взрослых дети нередко привлекались в качестве зрителей. Их помощь использовалась и при подготовке к проведению обрядов, например, при сборе продуктов питания; дров, ненужных вещей для рождественских и масленичных костров. Кроме того, дети привлекались для информирования местного населения о предстоящих церемониях (например, посиделках, различных помочах и т. д.). В ряде случаев, в частности при обходе домов поселения на Пасху, Рождество и Новый год, дети и подростки наделялись самостоятельной обрядовой ролью. Их присутствие считалось в народе магически благоприятным средством для достижения определенных целей. Делается вывод о стремлении мордовских переселенцев к сохранению религиозно-праздничной культуры и на иноэтничной территории. Установлено, что на территории Сибири мордовским населением отмечались такие же праздники, как и в исконных территориях выхода переселенцев.

Ключевые слова: Сибирь, Поволжье, мордовские переселенцы, дети, праздники, традиции

Ссылка при цитировании: Щанкина Л.Н. Участие детей в праздничной культуре мордовских переселенцев Сибири во второй половине XX в. – начале XXI в. // Вестник антропологии, 2021. № 3. С. 294–303.

Важным средством сохранения этнокультурных традиций являются семейные и общественные обряды и праздники, так как именно через них передаются культура и знания из поколения в поколение. При этом каждый из известных нам праздников содержательно отличается от остальных и характеризуется определенным набором обрядов и обрядовых действий, игр и развлечений, а также четкой половозрастной структурой участников отдельного мероприятия или их серии в период празднования.

Щанкина Любовь Николаевна – д.и.н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997 Москва, Стремянный пер., 36). Эл. почта: schanckina@yandex.ru

Для многих из них характерно участие в торжествах жителей самых разных возрастов, в т.ч. и детей. В настоящее время, когда одной из первоочередных задач является необходимость привить молодежи любовь к народной литературе, познакомить их с истоками народной культуры, праздниками, традициями, обрядами и таким образом преломить тенденцию угасания великого духовного наследия, созданного предками, особенно актуальным становится изучение роли и места молодежи в традиционных праздниках. Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в последние два десятилетия во время экспедиционных выездов в сибирские села, где компактно проживают переселенцы из Мордовии. Исследование убедительно свидетельствует, что многие народные традиции до сих пор не исчезли из массового бытования, хотя постепенно и утратили свой первоначальный сакральный смысл.

Рассмотрим наиболее значимые религиозные праздники, бытующие у мордовских переселенцев. Зимний цикл праздников связан со святочно-новогодней обрядностью. По представлениям мордовского народа первые дни наступившего года несут в себе опасность и способны привлечь к семье неблагоприятные события. Участие детей в обрядности, призванной обезвредить подобное негативное влияние в том числе нечистой силы, было обязательным. По словам А.Г. Щукиной, проживавшей в г. Стрежевом Томской области, еще в середине XX в. ходили колядовать даже девушки в возрасте 17–18 лет, а в 80-90-ые годы XX в. колядование имело упрощенную форму, обычно в нем участвовали только дети: «Они наряжались, пели песни, за это их одаривали конфетами, печеньем, пирогами, деньгами и др.» (ПМА 2009, № 6).

Мордовский обряд колядования включал в себя следующие действия. Большая группа детей должна была обойти все селение. При этом в каждом дворе им следовало остановиться и исполнить определенные песни, тексты которых в содержательном плане представляли собой пожелания благополучия хозяину дома и его семье. Это называлось День коляды (мокш. *калядань ши*, эрз. *калядань чи*). Притом, в отличие от взрослых, дети колядовали днем, в основном преследуя цели увеселения и получения подарков. Они подражали старшим и не вникали в хозяйственно-магическое назначение текстов, поздравляя хозяев дома с праздником. Детские коляды не имели традиционного зачина, лишь перед каждой строкой в них произносилось слово «коляда», присущее обряду, а по смыслу и композиции они близки текстам взрослых.

В ходе экспедиции в с. Сарагаш Боградского района Республики Хакасия был записан фрагмент колядок, когда у хозяев просили: «Коляда, Коляда, кудыкиле паргоне, паргоняса пештене» («Коляда, Коляда, в сенях ларь, а в ларе орехи»). В Тулунском районе Иркутской области, согласно информации, предоставленной жителями д. Афанасьево, использовалось такое пожелание: «Коляда, коляда, тячи, бабай, коляда, ванды бабай, Роштува, тувонь пря пидеда, ведра вина рамада» («Коляда, коляда, сегодня, бабушка, коляда, завтра, бабушка, Рождество, свиную голову сварите, ведро вина купите») (Никонова, Щанкина, Гармаева 2010: 206–207). В селах Краснополье и Солнечном Алтайского района Республики Хакасия, а также в пос. Ванино Ванинского района Хабаровского края зафиксировано обращение: «Коляда! Коляда! Щакай, пидек пяхтентя, якак стядонь мяштентя, тячинь шинясь Коляда. Трешниконя каяда!» («Коляда! Коляда! Тетка, испеки орешки, ходи с поднятой грудью, сегодня Коляда. Дай три рубля»). При этом в пос. Ноглики Ногликского района Сахалинской области сохранился текст следующего содержания: «Коляда! Коляда! Кда аф максат прярка, цераняце кулоза, стирняце шачеза, томба ланга яказа, ошкс парти празя» («Коляда! Коляда! Если не

дашь пирога, мальчик твой умрет, девочка родится, будет ходить по шестку печи и в лохань упадет») (Щанкина 2013: 333). В с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области записаны такие фрагменты колядок: «Коляда, Коляда! Дайка, бабай, перяка. Аф максат перяка, траксень сяфтяма» («Коляда, Коляда! Дай, бабушка, пирог. А не дашь пирог, заберем со двора корову»); «Коляда, Коляда! Дайка, бабай, перяка. Аф максат перяка, севсаськ букачень сюрота» («Коляда, Коляда! Дай, бабушка, пирог. А не дашь пирог, заберем быка за рога») (ПМА 2009, № 5).

В пос. Родниковом Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области «...раньше всю молодежь на Рождество собирали Шулюкины. Они были заводилами», – утверждает местный житель (ПМА 2003, № 1). В 1960–1970-е гг., когда количество дворов в д. Михайловке Канского района Красноярского края превышало сто, на Рождество наряжали *Роштува бабу* мокш. (Рождественскую бабу), с которой после и взрослые, и дети ходили по деревне (Волкова, Щанкина 2007: 273).

Одним из важнейших моментов колядования было одаривание. К нему относились серьезно, и, поскольку этот процесс также имел символическое значение, подготовку начинали заранее. В частности, пекли специальные маленькие пирожки *калядань прякат* эрз. с разной начинкой, готовили зерно, чтобы раздавать по горсти, монеты, позднее – конфеты и другие сладости. Одаривание здесь выступает не просто платой, а в качестве обряда, ориентированного на обеспечение семье удачи и благополучия в новом году. В связи с этим пропуск колядовавшими детьми какого-либо двора в селении становился для хозяина и его домочадцев не просто оскорблением, но и дурным предзнаменованием. Так проявлялась народная вера в силу детских благопожеланий и боязнь произносившихся при их исполнении угроз.

Особое значение на Рождество имели так называемые игры ряженных. Они предполагали вторжение в общество (как в семьи, так и на мероприятия, например, на посиделки), нарушение привычного бытования, что именовалось озорством и длилось до момента откупа от незваных гостей, после чего хозяева их выгоняли. Подобное действие символизировало отношение к нечистой силе и было призвано оградить селян от ее возможного вредоносного вмешательства в жизнь людей. Завершение процедуры обряда происходило утром следующего дня, когда осуществлялось катание на лошадях, украшенных лентами и колокольчиками.

Преимущественно для исполнения роли ряженных привлекались дети старшего возраста. При этом они надевали одежду особым образом, а именно вывернув ее на изнаночную сторону, т. е. мехом наружу. Также использовались маски животных, наибольшую популярность среди которых имела маска медведя. Кроме того, прибегали к чернению лиц. Отметим, что подобные элементы относятся к признакам антимира и в представлениях народа свойственны нечистой силе. Тем не менее в целом подобные игры расценивались как позитивное и полезное, по сути, явление, которое функционально предполагало, как физическую тренировку организма человека, так и его психологическую подготовку к жизни в условиях данного социума, и при этом соответствовало биологическим потребностям, т. е. отличалось природосообразностью.

Напомним, что в народных воззрениях активность нечистой силы характерна для всего временного промежутка от наступления Нового года и до Крещения. Опасность ее вредоносного влияния заключается в задержке смены времен года: поздний приход весны и тепла чреват несвоевременностью обработки земли и посева. Поэтому для

предотвращения нарушения жизненных циклов дети и молодежь накануне Крещения должны были устроить большой шум, чтобы прогнать нечисть. С этой целью они обходили дома, крича, стуча и гремя различными предметами (заслонками, цепями и др.), что, как и ряд иных приуроченных к Рождеству действий, имело магическое значение. В мокшанских селах описанная процедура зафиксирована как *катлянян тильгонь синнема* (букв. «ломать ноги чертям») (Беляева 2001: 142). Помимо избавления от нечистой силы, в Крещение следовало всем людям очиститься от грехов.

В с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области традиционно перед Крещением были приняты следующие процедуры. В ночь дети мазали сажей не только друг друга, но и других домочадцев. Ранним утром мужчины обливали женщин холодной водой. При этом могли вывести хозяйку к колодезю, как бы добываясь высокого урожая льна. Ныне считается, что выполнение последней процедуры обеспечивает хорошее здоровье.

Дальше следовало воспользоваться освященной водой, причем окроплению ею подвергались не только люди, но также дом и все хозяйственные постройки; часть такой воды выливали в колодезь. Как правило, за водой отправлялись в церковь.

Вечером этого же дня все поселенцы совместно либо семьями по отдельности устраивали костер, где сжигали ненужные вещи, а главное, новогодние ели, в которых якобы и собиралась до этого момента нечистая сила. (Ныне данное действие частично сохранено в быту и реализуется преимущественно молодым поколением.) Если костер делали общий для всех, требовалось предварительно пройти по двору и собрать ели и палки. Это поручалось детям.

Кроме того, в рамках подготовки к Крещению, вечером накануне рисовали мелом на внешней стороне окон и дверей домов и хозяйственных построек крестики. Раньше подобные крестики делали из палочек, чтобы «...выколоть чертям глаза». В селе проводили крещенские игрища, пели песни, плясали (ПМА 2009, № 5).

Масленица выступает следующим значимым в представлении народа праздником зимне-весеннего цикла. Как и в других подобных случаях, это было время своего рода объединения старшего и младшего поколений, укрепления их связи и преемственности, что достигалось обилием разнообразных массовых игр, развлечений и обрядовых действий, для участников которых не существовало каких-либо ограничений по возрасту. Наибольшее распространение при этом получили катание с гор и горок на самодельных ледянках, а также объезд деревни на запряженных лошадях. Горки использовались либо естественные – склоны, расположенные поблизости от селения, либо готовились специально, например, часто в виде желоба. Занимались их подготовкой в первую очередь молодые парни, которые могли обратиться за помощью к детям и подросткам.

В последний день Масленицы устраивались ее проводы, также сопровождавшиеся весельем, смехом и пением, как детей, так и взрослых. В этот день повсеместно жгли чучела из соломы и ненужных тряпок, которые накануне дети собирали у населения. В упоминавшемся ранее с. Калиновка пепел от чучела разбрасывали по полям, чтобы обеспечить хороший урожай осенью. Когда провожали Масленицу, говорили следующее: «Масленица, прощай, а на тот год опять приезжай» (Никонова, Щанкина, Шерстобитова 2009: 64).

День сорока мучеников, по сути своей религиозный христианский праздник, соотносился с пробуждением природы, окончанием долгого сна: «Зима кончается, вес-

на начинается». В соответствии с этим возвращается тепло, вместе с ним и птицы во главе с жаворонком. А на своих крыльях пернатые приносят весну. К этому дню был приурочен обычай приготовления пирогов в виде птичек – жаворонков. Дети бегали с ними по селению, держа изделия в руках или насадив на палочки. Могли и на головы положить. Задача заключалась в том, чтобы разместить их повыше, для чего поднимались на крыши, забирались на деревья или влезали на заборы. Так играли весь день, а вечером съедали. Подобные обрядовые действия сопровождались специальными песнями в исполнении детей и девушек – веснянками, которые содержали, например, такие слова приглашения: «Жаворонки, прилетите, хлеба, теплого лета принесите, зима надоела, все запасы хлеба съела»; «Жаворонки, жаворонки, прилетите, с собой весну принесите!»; «Жаворонушки, прилетите. Красну Весну принесите, нам зима надоела, весь хлебушек поела, остались крошки, их съели кошки»; «Весна, Весна, красная, приди, Весна с радостью, с великой милостью, со льном высоким, с корнем глубоким, с хлебом обильным» и др. Описанный обычай имел широкое распространение во многих регионах Сибири.

В течение Великого поста отмечается следующий из крупных праздников, – Вербное воскресенье. Накануне его дети совместно со взрослыми ходили за ветками вербы, которые затем освещались в церкви. После они использовались якобы для прибавления жизненной силы путем ударов пучком таких прутьев, которые наносились всем: и членам семьи, и домашним животным. При выполнении этого обрядового действия, как правило, приговаривали: «Будь здоров(а), как верба», «Верба хлест, бей до слез», «Не я быю, верба бьет!». Отметим, что данный обычай зафиксирован практически повсеместно.

С вербой также связаны широко распространенные у мордвы поверья, что наличие в доме таких веток надежно защищает его от попадания молнии (ПМА 2008, № 2) и способно преградить вход нечистой силе в целом, и дьяволу в частности. Подобные сакральные воззрения сформировались на базе контагиозной магии, в соответствии с которой жизненная сила вербы через прикосновение (удар) переходит к человеку или животному. В с. Калиновка веточку вербы также брали с собой на поле, когда первый раз выходили работать.

Пасха представляет собой наиболее крупный христианский праздник и считается днем великой радости, к наступлению которого следует навести порядок в доме и во дворе. Дети обычно принимали участие в уборке вместе со взрослыми. Кроме этого, у них были и свои заботы: сделать качели, приготовить игрушки, свистки, а также место для проведения игр, которыми пасхальная неделя была насыщена.

Главные заботы взрослых состояли в приготовлении куличей и окраске яиц. Поскольку яйца должны были не только присутствовать на столе, но использовались при христосовании в качестве подарка, а также в различных играх на улице, их обычно требовалось подготовить много. Интересно, что в упоминавшемся выше с. Калиновка зафиксирован такой обычай: первого ребенка, который заходил в дом на Пасху, сажали на подушку и наблюдали: если он сидит спокойно, значит несущка выведет птенцов, а если беспокойно, птенцов ждать не стоит (ПМА 2009, № 5).

В местах проживания мордовского населения было принято на Пасху устраивать качели. В частности, по свидетельству Н.П. Кугушева, проживавшего в пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, «...качели делались на двух столбах с подпорками, на них ставилось поперечное бревно, и прикреплялись деревянные

палки с устроенным внизу сидением для одного человека» (ПМА 2008, № 3). Иначе устраивали качели в д. Афанасьева Тулунского района Иркутской области, о чем имеются воспоминания местного старожила Н. А. Каргина: «...на двух веревках укреплялась доска, висящая горизонтально на метровой высоте от земли. Два человека становились по краям доски и раскачивали ее» (ПМА 2008, № 3).

Однако качели могли выполнять не только развлекательную функцию, как утверждает М. И. Ениватова, жительница пос. Уян (уроженка с. Стандрова Теньгушевского района Мордовии): «...в Мордовии также на Пасху делали качели, и они были не только забавой, но и ритуальным действием, отражающим мировоззрение земледельца. Считалось, чем выше подлетают качели, тем выше растет на полях пшеница, рожь и лен» (ПМА 2008, № 3).

В с. Калиновка на пасхальной неделе качели устраивались практически на каждой улице вплоть до 2006 г. Однако прежде развлечения на них всегда садилась пожилая женщина, чтобы прочитать молитву: «Христос воспрял из мертвых, смертью смерть поправ и сущее во гробе живом даровав». И только после этого разрешалось кататься всем желающим. Широкое распространение среди детей получили такие игры, как лапта и катание яиц. Также девочки «...проводили друг к другу телефоны», для чего стебли хмеля привязывали и делали большую нить (ПМА 2009, № 5).

Кроме качелей, как у взрослых, так и у детей пользовалась большой популярностью игра с крашеными яйцами, которая заключалась в следующем. Каждый из участников поочередно скатывал свои яйца по стоящему наклонно деревянному лотку либо с невысокой горки прямо на земле. Чуть поодаль при этом ставились полукругом яйца остальных игроков, которые в данный момент ожидали своей очереди. Если скатившись «играющее» яйцо задевало чье-либо чужое, последнее присваивалось действовавшим ребенком себе и он получал право сделать еще один «ход». В противном случае в игру вступал другой участник, а неудачно скатившееся яйцо оставалось на кону и присоединялось к стоявшим полукругом. С.В. Еремкин, информант из г. Читы Читинской области, утверждал, что подобная игра «...могла продолжаться по несколько часов, и некоторым удавалось набрать за игру до двух-трех десятков яиц» (ПМА 2008, № 4). Интересно, что описанная игра была популярной и в с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия (ПМА 2008, № 2).

Среди пасхальных развлечений также присутствовала игра «катание мяча», которая сходна с катанием пасхальных яиц. Упоминание о ней было зафиксировано во многих исследованных поселениях, например в с. Кайбалы Алтайского района Республики Хакасия. Как утверждает Н.Е. Бакайкин, каждый из участников копал себе лунки глубиной примерно с ладонь. Располагались они в ряд на расстоянии 10 см друг от друга. Если мяч катился и попадал в «свою» лунку, туда клали стеклышко (ПМА 2008, № 2).

Кроме того, существовали игры, интересные исключительно мальчикам, и среди них, например «в бабки», которая была зафиксирована в нескольких вариантах. Так, в с. Подсинее Алтайского района Республики Хакасия для этой игры строили разные фигуры из коротких деревянных чурок и разбивали их, бросив палку. А в с. Солнечное того же района действовали иначе: ставили 10 палочек в ряд, затем первый участник отходил от них на 10 шагов и бросал палку. Если она, падая, задевала даже одну из деревяшек, то бросавший забирает себе их все. Бабки красились в синий, красный цвета и, как правило, у каждого мальчика имелись свои. При этом

тот, у кого их было больше, считался богатым (ПМА 2008, № 2). Третья разновидность игры, на деньги, описана С.В. Третьяковым, проживавшим в пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области: «...вбиваешь во что-нибудь большой гвоздь шляпкой вверх, на него кладешь 5, 10, 20 копеек и отходишь на столько же шагов, бабкой сбиваешь деньги, попадешь – забираешь себе» (ПМА 2008, № 3).

Праздник Троицы в представлениях народа связан с культом растительности, девичьими гуляньями, поминанием умерших. К этому дню было принято украшать двор, дом и хозяйственные постройки зелеными ветвями, а полы засыпать свежей травой (однако в пос. Уян Куйтунского района Иркутской области подобный обычай у мордвы не был зафиксирован). За березовыми ветками, как правило, в лес молодежь в сопровождении детей отправлялась либо накануне, либо ранним утром дня праздника. В отсутствие березы для украшения могли использоваться ветки тополя, как это происходило с. Кайбалы Алтайского района Республики Хакасия (ПМА 2008, № 2). Во время сбора веток, цветов обычно пели песни, плели венки, которые после надевали на голову. Наконец, взявшись за руки, возвращались в село, где в течение дня гуляли и пели песни.

В с. Гуран Тулунского района Иркутской области на праздник «...девушки надевали мужскую одежду, ходили по домам собирать яйца, а затем, собравшись около речки, жарили яичницу. Девушки на головы плели венки. Дети и взрослые играли в разные игры (в городки, лапту и др.)» (ПМА 2008, № 3). А в с. Калиновка молодые люди состязались в сборе березовых веток. Выигрывал тот, кто приносил их больше, чем остальные. Такие ветки и траву не убирали в течение трех дней, и все это время веселились. «Раньше без песен по улице никогда не ходили». Также в этот день было принято дарить полевые цветы (ПМА 2009, № 5).

Мордовское население с. Калиновка весело провожало весну и встречало лето: «По-разному на гулянье чудили», – рассказывала М. Ф. Зайцева. С момента организации колхоза в 1934 г. жить стали лучше, дружнее и умели отдыхать. Спустя неделю после Троицы проводили традиционный праздник «*Лишмя*» мокш. Утром этого дня следовало помянуть усопших. После полудня же устраивали шествие с челом лошади, для чего использовали лошадиную голову и самодельное туловище, в котором прятались два человека, изображавшие ноги животного. Под уздцы импровизированную лошадь, неуклюже приплясывавшую и подпрыгивавшую, вели в яркой разновозрастной толпе, которую составляли местные жители в национальных костюмах. Они плясали и пели частушки на мордовском языке (Сысоева 2008: 7).

Конюхом при этом обычно становилась Мария Григорьевна Шутова. Для выполнения роли она в частности приделывала себе бороду из овечьей шерсти, брала кнут и пыталась не подпустить к лошади людей, чтобы та не могла их поранить. При этом дети будто нарочно лезли к беспокойному «животному». Главных персонажей, к которым помимо Лошади и Конюха относились Лето и Весна, и всю процессию в целом старались заманить в каждый двор. Это объясняется тем обстоятельством, что в представлении народа Лошадь, будучи символом плодородия, добра, силы, приносила удачу. Люди верили, что все будет хорошо в хозяйстве, во двор которого она заглянула, в том числе с урожаем. Радужные хозяева встречали ее разнообразными угощениями (блинами, брагой и др.) и принимали от гостей пожелания счастья и здоровья. Веселье продолжалось до первых петухов (Бычкова 2006: 22).

Итак, учитывая приведенные выше сведения, включая свидетельства информантов, можно сделать следующий вывод. Безусловно, проведение праздников мордовским населением, проживавшим на иноэтничных территориях, сыграло важную роль в поддержании бытования традиционной национальной культуры. А именно обеспечило сохранение и укрепление разного рода внутренних связей (семейно-родственных, соседских и земляческих) в условиях сосуществования и общения с представителями различных национальностей.

При этом дети в ряде случаев наделялись самостоятельными обрядовыми функциями, однако нередко выступали в роли помощников взрослых. Они имели возможность участвовать во всех обрядах, благодаря чему реализовывалась преемственность между поколениями и происходило освоение умений и навыков, необходимых для дальнейшего самостоятельного исполнения обрядовых действий. Проживая на иноэтничной территории, мордовское население старалось сохранить народные традиции, носителями которых в первую очередь являлись старшее и среднее поколения, способные передать молодежи и особенно детям опыт почитания и поддержания культуры этноса.

В современных условиях участие в подобных мероприятиях мордовских детей невелико, поскольку мордовские переселенцы, проживающие сегодня на территории Сибири, праздники отмечают скромно. Исключение составляет население с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, которое не только не забыло традиции, но до сих пор отмечает праздники с соблюдением многих обрядов, оставшихся в памяти с момента переезда.

Источники и материалы

- ПМА 2003, №1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Ленинск-Кузнецкий район Кемеровской области (Информант – Суняйкин Спиридон Терентьевич, 1927 г.р., пос. Родниковый).
- ПМА 2008, № 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Алтайский район Республики Хакасия (Информанты – Бакайкин Николай Ефимович, 1938 г.р., с. Кайбалы; Кирдяшкина Пелагея Михайловна, 1936 г.р., с. Кайбалы; Дорогов Александр Иванович, 1931 г.р., с. Солнечное; Росяйкин Сергей Васильевич, 1952 г.р., с. Подсинее); в Усть-Абаканский район Республики Хакасия (Информант – Пятин Анатолий Васильевич, 1954 г.р., с. Красноозерное); Боградский район Республики Хакасия (Информант – Росяйкин Анатолий Васильевич, 1948 г.р., с. Сарагаш).
- ПМА 2008, № 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Куйтунский район Иркутской области (Информанты – Ениватова Мария Ивановна, 1927 г.р., пос. Уян; Кугушев Николай Павлович, 1948 г.р., пос. Уян; Третьяков Сергей Викторович, 1969 г.р., пос. Сосновский); в Тулунский район Иркутской области (Информанты – Горбатова Александра Ефимовна, 1926 г.р., с. Гуран; Каргин Николай Андреевич, 1931 г.р., д. Афанасьева).
- ПМА 2008, № 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Чита Забайкальского края (Информант – Еремкин Серафим Владимирович, 1921 г.р.).
- ПМА 2009, № 5 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Сорокинский район Тюменской области (Информанты – Зайцева Марина Федоровна, 1926 г.р., с. Калиновка; Мирошкина Вера Васильевна, 1948 г.р., с. Калиновка).
- ПМА 2009, № 6 – Полевые материалы автора. Экспедиция г. Стрежевой Томской области (Информант – Щукина Анна Герасимовна, 1932 г.р., г. Стрежевой).

Научная литература

- Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, 2001. 260 с.
- Бычкова Т. Загадки мордовского народа // Мир национальностей. 2006. № 2 (6). С. 19–22.
- Волкова М.С., Щанкина Л.Н. Народные праздники и игры // Мордва юга Сибири / Л.И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2007. С. 272–285.
- Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Шерстобитова Ж.В. Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Часть 1. Село Калиновка : сибирская история и мордовские традиции; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2009. 112 с.
- Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Гармаева Т.В. Никонова Л.И. Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакассия; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой. Саранск Типография «Красный Октябрь», 2010. 268 с.
- Сысоева И. Мост к дружбе и творчеству // Мир национальностей, 2008. № 1 (9). С. 3–9.
- Щанкина Л.Н. Мордва Сибири и Дальнего Востока: историко-этнографический аспект / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва: «ВивидАрт», 2013.

Shchankina, Lyubov N.

Participation of Children in the Festive Culture of Mordovian Immigrants in Siberia in the Second Half of the XIX Century - the Beginning of the XXI Century

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/294-303

The article aims to study how children participated in the festive culture of Mordovian immigrants in Siberia. Mordva had been moving here from Mordovia, Chuvashia, Samara, and Penza from the second half of the XIX century to the 1970s. The article is based on the author's field studies and scientific literature. It describes the most important religious holidays of the Mordovian immigrants. It was typical of the festive culture of the Mordovian peasantry that children and youth participated in religious and festive acts. In most adult rites, children were often involved as spectators. They also assisted in the preparation of rites, for example, collecting food, firewood, unnecessary objects for Christmas and Maslenitsa fires. Apart from that, children informed the local population about upcoming ceremonies. Sometimes, children and adolescents were endowed with an independent ritual role, particularly when knocking on doors on Easter, Christmas, and New Year. Their presence was considered a magical means to achieve certain goals. The author concludes that the Mordovian population aimed to preserve their religious and festive culture in the new territory. In Siberia, the immigrants celebrated the same holidays as in their original territories.

Keywords: *Siberia, Volga region, Mordovian immigrants, children, holidays, traditions*

For Citation: Shchankina, L.N. 2021. Participation of Children in the Festive Culture of Mordovian Immigrants in Siberia in the Second Half of the XIX Century – the Beginning of the XXI Century. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 294–303.

Author info: Shchankina, Lyubov N. – Dr. (Hist.), Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, RF). E-mail: schanckina@yandex.ru

References

- Beliaeva, N.F. 2001. *Traditsionnoe vospitanie detei u mordvy* [Traditional upbringing of children in the Mordovians]. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M.E. Evsevieva.
- Bychkova, T. 2006. Zagadki mordovskogo naroda [Riddles of the Mordovian people]. *Mir natsional'nostei* 2 (6): 19–22.
- Volkova, M.S., Shchankina, L.N. 2007. Narodnye prazdniki i igry [Public holidays and games]. *Mordva iuga Sibiri*. L.I. Nikonova [i dr.]; edited by V.A. Iurchenkova, L.I. Nikonovoi ; NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve RM. Saransk : Tipografiia "Krasnyi Oktiabr".
- Nikonova, L.I., L.N. Shchankina, and Zh.V. Sherstobitova. 2009. *Mordva Zapadnoi Sibiri : v 2 ch. Chast' 1. Selo Kalinovka : sibirskaiia istoriia i mordovskie traditsii* [Mordovia of Western Siberia: at 2 h. Part 1. Kalinovka village: Siberian history and Mordovian traditions], edited by V.A. Iurchenkova. Saransk: Tipografiia "Krasnyi Oktiabr".
- Nikonova, L.I., L.N. Shchankina, and T.V. Garmaeva. 2010. *Mordva Tsirkumbaikal'skogo regiona i Respubliki Khakassiiia* [Mordva of the Circumbaikal region and the Republic of Hakassia], edited by V.A. Iurchenkova, L.I. Nikonovoi. Saransk Tipografiia "Krasnyi Oktiabr".
- Sysoeva, I. 2008. Most k družbe i tvorčestvu [Bridge to Friendship and Creativity]. *Mir natsional'nostei* 1 (9): 3–9.
- Shchankina, L.N. 2013. *Mordva Sibiri i Dal'nego Vostoka: istoriko-etnograficheskii aspekt* [Mordovia of Siberia and the Far East: historical and ethnographic aspect]. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN. Moscow: "VividArt".

ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны происходили массовые миграции беженцев из прифронтовых районов вглубь России, что оказало существенное влияние на изменение этнического состава Москвы. В городе резко возросла доля этнических групп, ранее преобладавших в западных губерниях империи, что было нехарактерно для предвоенного периода. Однако недостаток сведений в изданной статистике усложняет для исследователей анализ влияния мигрантов военного времени на соотношение таких наиболее многочисленных этнических групп Москвы как: русские, евреи, немцы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, белорусы, украинцы, татары, армяне. Также определенную сложность представляет недоучет всех военных мигрантов, так как значительная их часть не регистрировалась в качестве беженцев, не попадая в статистику. Ввод в научный оборот ведомостей о числе жителей Москвы по вероисповеданиям за 1908–1916 гг., позволяет частично восполнить такой пробел и оценить динамику этнического состава населения города. Кроме того, сделана попытка выяснить общую численность всех военных мигрантов, находившихся в Москве перед февральской революцией 1917 г., а также выделить беженцев-белорусов из общей численности православных и католиков. Предложенный метод сопоставления конфессиональной и этнической принадлежности не дает точного совпадения, однако с учетом привлечения дополнительных источников, позволяет выявить тенденции в изменениях этнического состава населения города, а также проанализировать факторы, влиявшие на динамику численности отдельных групп этнических меньшинств.

Ключевые слова: этнический состав; Москва; Первая мировая война; беженцы; миграции

Ссылка при цитировании: Григорян Г.Ш. Изменения этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны // Вестник антропологии, 2021. № 3. С. 304–319.

В наши дни резкая трансформация этнического состава населения Москвы оказывает влияние как на характер межкультурного взаимодействия внутри городского социума, так и на его устойчивость. В свою очередь, формирование современного

Григорян Генрих Шамильевич – аспирант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9). Эл. почта genrih.1@mail.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-7287-3244>